

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	9
Предыстория	15
Часть 1. Императорский Петербург. 1703–1825	
Петр I — великий ПТУшник	22
Самый успешный урбанист в истории	25
Доменико Трезини: как рядовой архитектор спроектировал целый город	31
Северная Венеция и Новый Амстердам: почему Петербург не стал городом каналов	39
Петербургская Россия	42
Столица просвещения	46
Запустение	49
Петр Еропкин: первый теоретик Петербурга	53
Елизавета Петровна. Старт столетнего русского успеха	60
Архитектура праздника: Франческо Бартоломео Растрелли и Савва Чевакинский	63
Город будущего: первый юбилей Санкт-Петербурга	67
Петр III и квартал веротерпимости	69
Петр I глазами Екатерины II	72
Экономический бум, коррупция и культурный расцвет	77
Дворцы как хижины: архитектура времен Екатерины II	80
Екатерина II — урбанист	84
Романтический Петербург Павла I	89
Александр I — «глава царей» и неудавшийся реформатор . . .	93
«Золотой век»	101
Город в имперском стиле	103
Карл Росси — великий декоратор. Петербургские площади .	108
Город казарм	115

Огюст Монферран — великий самозванец, который предсказал будущее	119
Восстание декабристов	122

Часть 2. Промышленная революция и урбанизация в Санкт-Петербурге. 1825–1917

Николай I: промышленная революция, консерватизм и появление интеллигенции	128
Урбанизация: как столица медленно превращалась в мегаполис	132
Бюрократическое градостроительство	138
Новый петербургский миф	144
За и против Петербурга: западники и славянофилы	146
Архитектура почти на любой вкус	150
Александр II: реформы, террористы и культурный расцвет	155
Капиталистический Петербург	163
Городская дума	168
Бесконтрольный город	171
Квартирный вопрос	178
Необычные обычные дома	181
«Питерщики»	184
Интеллигенция в конце XIX века	188
Районы Петербурга	195
Александр III	199
Реформы Сергея Витте и промышленный бум в Петербурге	202
Промышленный пояс Петербурга	206
Рабочий класс	213
Петербург между Москвой и Парижем	216
Николай II: политическая катастрофа и культурный расцвет	220
Петербургский миф. От города будущего к городу прошлого	229
Трамваи, мосты и разрастание Петербурга	232
Архитектурные баталии в предреволюционном Петербурге	237
Образцовое жилье	241
Энтузиасты городского развития	246

Москва против Петербурга	253
Город накануне революции. Социальный взрыв	254

Часть 3. Советский Ленинград. от Революции до Перестройки.1917–1991

Октябрьская революция	260
Перенос столицы в Москву	265
Петроград во время гражданской войны.	
Красный террор и выживающая интеллигенция	267
НЭП в Ленинграде	271
Уплотнение	274
Обустройство послереволюционного города:	
новая инфраструктура и тоска по империи	276
Новые районы Ленинграда	280
Авангардный Ленинград	283
Ленинградская оппозиция	289
Коллективизация и индустриализация	291
Культурная революция	293
Создание творческих союзов. Соцреализм против формализма	295
Большой Ленинград	300
Эволюция архитектурного стиля: от конструктивизма к реализму	305
Убийство Кирова	309
Любовь ленинградцев к Петербургу	312
Блокада Ленинграда	315
Николай Баранов. План послевоенного восстановления и последующего развития Ленинграда	318
Охрана памятников в Ленинграде-Петербурге	324
«Ленинградское дело»	327
Первая очередь ленинградского метрополитена	330
«Оттепель» в Ленинграде	332
Постановление о борьбе с излишествами в архитектуре.	
Первые пятиэтажки	338

Ленинградский интернациональный стиль.	
Невыносимая легкость бытия	343
Небесная линия и ее нарушители	348
Вторая «оттепель» в СССР и в Ленинграде	352
Великая кофейная революция	359
Генеральный план Ленинграда 1966 года. Спальные районы	361
Типовое строительство	368
Морской фасад Ленинграда-Петербурга	371
Капитальный ремонт исторического центра	373
Ленинград под руководством Григория Романова.	
Гонения на интеллигенцию	378
Антропология ленинградского застоя	381
Подпольная культура Ленинграда	387
Классический брутализм	392

Часть 4. Современный Петербург: 1984–2024

Начало Перестройки	396
Перестройка в Ленинграде. Свобода	
предпринимательства и гласность	398
Либеральный Ленинград	404
Борьба за сохранение исторического центра	
Санкт-Петербурга	408
«Лихие девяностые» в Петербурге	415
«Бандитский Петербург»	420
Кризис градостроительства в Ленинграде-Петербурге	422
Постмодернизм и здания-монстры	428
Большие ожидания	431
Куда не приводят мечты. Амбициозные стройки 2000-х	
годов	433
Годы стагнации и расцвета	439

Послесловие	442
-----------------------	-----

ВСТУПЛЕНИЕ

В 1880 году после открытия памятника Пушкину в Москве на Тверском бульваре Федор Достоевский произнес знаменитую «пушкинскую» речь. Он задался вопросом: каков главный талант русских? Ответ Федор Михайлович дал неожиданный — «всемирная отзывчивость». Умение почерпнуть из любой иноземной культуры нечто, присвоить это и развить так, что копия становится не менее интересна, чем подлинник. Для Достоевского творчество Пушкина служило главным подтверждением этого тезиса. Еще более убедительное свидетельство «всемирной отзывчивости» русской культуры — Петербург.

Петр Алексеевич Романов, будущий царь Петр I, провел несчастную юность в Москве, которую считал грязным беспорядочным городом. От ненавистных родственников, их архаичной жестокости, «византийских» интриг он находил отдых в Немецкой слободе — своеобразном гетто, где жили европейские специалисты. Это место отличалось от остальной Москвы, вероятно, так же сильно, как сегодня Дюссельдорф отличается от сектора Газа. В Немецкой слободе были прямые улицы, вдоль них ровно стояли аккуратные дома, окруженные ухоженными участками с садами, по берегу реки проходила аллея — словом, все пребывало в порядке и чистоте.

В 1697 году, уже заняв престол, Петр отправился в долгую поездку по Европе — Великое посольство. Он влюбился в не самый красивый, зато один из богатейших городов того времени — Амстердам, процветавший главным образом благодаря морской торговле. Амстердам находился ниже уровня моря и не смог бы существовать без системы осушающих каналов. Он отличался от современных ему городов Европы обилием воды и рациональной структурой застройки.

Петр долго вынашивал план получить для России выход к морю. Вероятно, он думал и о том, чтобы вместо Москвы устроить другую столицу, более соответствующую его вкусам.

Одно время он прочил эту роль Таганрогу, недавно основанному на берегу теплого Азовского моря. Однако в 1711 году на реке Прут турки неожиданно окружили армию Петра — поражений такого масштаба Россия не узнает вплоть до Крымской войны. О Таганроге пришлось забыть. Между тем годом раньше, в 1710 году, в ходе Северной войны русские войска заняли Выборг, Таллин и Ригу. Два названных события и определили окончательно судьбу Санкт-Петербурга.

Когда 16 мая 1703 года — то ли в присутствии царя, то ли, скорее всего, без него — была основана крепость Санктпитебурх, никто не придавал этому providencialного значения. Крепость и крепость. Но Петру — жаль, что он ни разу не лежал на кушетке доктора Фрейда, — почему-то безумно нравилась водная стихия. В дельте Невы в ту пору находилось 147 островов, часто случались будоражающие царя наводнения, и главное — вокруг было чистое поле для экспериментов. Спустя два года после закладки Петропавловской крепости вокруг нее стал появляться город. Несмотря на то что он состоял поначалу всего лишь из нескольких десятков хлипких построек, в письмах Петр уже называл его «парадизом».

В 1712 году Петр издал невероятный, неслыханный указ.

Представьте себе, что вы в девять часов вечера включаете выпуск новостей на Первом канале, а диктор ровным голосом сообщает: указом президента Российской Федерации с завтрашнего дня обе палаты Федерального Собрания, Совет Министров, Администрация президента переносятся в город Анадырь. Что-то подобное, наверное, и почувствовали бояре, дьяки и военные, когда узнали: двор из Москвы переезжает в новый город на берегу Финского залива.

Низкие топкие берега. Климат по меркам того времени — экстремально холодный и влажный. Каждый год все заливает, еще нет ни осушающих каналов, ни мостовых, ни удобных подъездных дорог. Петр строил Петербург, как Сталин — Норильск или Магадан: использовал труд военнопленных и насильно рекрутированных крестьян. Сколько людей погубили, до сих пор никто не знает. Царь спонтанно менял градостроительные планы, как минимум трижды переносил

центр. Все это выглядело как затратный и бессмысленный проект самодура. Казалось, со смертью основателя город будет заброшен. Произошедшее дальше можно объяснить только русским чудом.

При Петре II двор переехал обратно в Москву. Санкт-Петербург вполне мог тогда провалиться в небытие, оказаться засосан в болото. Этого не случилось благодаря исправной службе Бурхардта Миниха, генерал-губернатора Петербурга. На протяжении нескольких лет он, казалось бы, вопреки здравому смыслу продолжал поддерживать жизнь и порядок на берегах Невы.

В 1730 году престол заняла Анна Иоанновна — племянница Петра I, которой окружение прочило роль этакого марионеточного монарха. Чтобы избежать посягательств укорененных московских бояр на свою власть, она вернула столичные функции на берега Невы. Начиная с Анны Иоанновны, на протяжении ста лет каждый российский император видел строительство Петербурга по крайней мере как одно из важнейших дел своей жизни. При Елизавете Петровне Петербург превратился в город роскошных дворцов и соборов в стиле праздничного барокко. Главным достижением времен Екатерины II стало строительство гранитных набережных и множества мостов. Именно при ней Петербург стал настоящим каменным городом. Здания возводились по парижской моде в благородном, сдержанном неоклассическом стиле.

Золотой век императорского Петербурга пришелся на правление Александра I и первое десятилетие николаевского царствования. Именно от тех времен нам достались канонические образы города: гигантское Адмиралтейство, увенчанное шпилем; Дворцовая площадь, замкнутая зданием Главного штаба; стрелка Васильевского острова; площадь Искусств; Александринский театр и улица Зодчего Росси.

Любой тиран с замахом на всемирное господство намеревается построить столицу всего света. Например, Наполеон Бонапарт представлял себе Париж как мощный упорядоченный город, «новый Рим». Однако в 1814 году, после того как русский генерал Михаил Орлов составил условия сдачи Парижа и была принята капитуляция

Франции, Наполеон очутился в изгнании: сначала на Эльбе, позднее — на острове святой Елены. От его грандиозных градостроительных планов остались, по большому счету, только улица Риволи и Триумфальная арка. В Петербурге же ничто не помешало выражать амбиции в камне и строить самые яркие образцы стиля ампир — так на французском звучит слово «империя».

Система петербургских площадей, перетекающих друг в друга, как Великие озера на границе США и Канады, могла возникнуть только при двух условиях. Во-первых, нужна была сильная авторитарная власть, которая обеспечивала почти тотальный контроль за обустройством города. Без нее самый центр оказался бы застроен более плотно и хаотично. Во-вторых, что-то подобное можно было реализовать только на больших свободных пространствах, которых не было в центрах старых городов Европы. Петербургские площади словно картины в раме. Зритель будто находится на полотне и смотрит на раму — фасады дворцов и государственных учреждений, символизирующие могущество империи. Исаакиевская перетекает в Сенатскую, та — в Дворцовую. Площадь Ломоносова сменяется площадью Островского, площадь Островского — площадью Искусств, площадь Искусств — Марсовым полем. Эта могучая «административная» красота окончательно сформировалась примерно ко времени смерти Пушкина — в конце 1830-х годов.

То, что происходило с Петербургом сразу после, долгое время казалось чем-то противоположным процессу застройки строгой имперской столицы. Распланированные еще в XVIII веке огромные территории стали быстро заполняться частными доходными домами, что называется, на любой вкус и кошелек.

Гете говорил, что архитектура — застывшая музыка; однако стоит признать, что музыка бывает разная. Есть Бетховен, Чайковский, Сибелиус, а есть Джон Леннон, Алла Пугачева, ансамбли народной песни. Архитектуру Петербурга второй половины XIX и первых лет XX века можно сравнить скорее с популярной музыкой, которая отражает предпочтения среднего, часто не особенно эстетически искушенного человека. В ней много пестроты и, как говорил Васи-

лий Розанов, «человеческой грязи». Многие современники видели здесь драму. Казалось, массовое строительство несдержанно украшенных домов ничего не оставит от впечатляюще строгой столицы.

Со временем выяснилось, что два города, имперский и обывательский, прекрасно сосуществуют друг с другом. Классические площади делают город эффектным, а доходные дома — приспособленным для жизни. Бесконечные коридоры похожих друг на друга, по большей части не выдающихся зданий составляют обаяние Петербурга не меньше, чем Зимний дворец.

В XX веке город пережил две настоящие катастрофы — гражданскую войну в 1918–1922 годах и блокаду в 1941–1944 годах. В результате обеих население города уменьшалось в несколько раз. Однако Ленинград во время Второй мировой войны не разбомбили, как Варшаву или Берлин, и не перестроили в 1930-е годы, как Москву или столицы союзных республик. В результате время здесь как будто бы застыло. Уцелевшие здания стали почти что сакральным артефактом, свидетельством минувшей, лучшей жизни. Старина в Петербурге не просто имеет эстетическую ценность, не просто делает его туристической Меккой — она в значительной степени служит смыслом существования для жителей города.

В Петербурге в 1917 году жило 2,5 миллиона человек. Сегодня — 5 миллионов. Больше чем за сто лет город увеличился всего в два раза (Москва, например, в семь раз). Старый город невероятно велик по площади: от Охты до Гутуевского острова, от Черной речки до Обводного канала идешь среди ландшафта, сложившегося в другой эпохе.

Привычка смотреть на все сквозь призму истории стала распространяться и на созданное в XX веке. Истинный знаток Петербурга имеет представление не только о великокняжеских дворцах и доходных домах, но и о конструктивистских жилмассивах, и о построенном при Сталине Московском проспекте, и даже о сериях типовых домов 1960–1980-х годов.

В «поклонении Петербургу» присутствует некоторое противоречие. С одной стороны, существует стереотипное представление

об имперской столице, построенной не для людей, идеале холодной красоты, не терпящем мельтешения и хаоса. С другой стороны, невозможно представить себе старый город отдельно от горожан. Многие дома мы ценим вовсе не за архитектуру, которая сама по себе может быть нисколько не выдающейся, а за то, что в них жили Достоевский, Некрасов, Блок, Ахматова, Хармс, Шостакович. Последние 15 лет доказали: важнейшая особенность дореволюционных кварталов заключается в том, что они устроены удачно для любого рода человеческих взаимодействий, будь то прогулки по загадочным длинным улицам, посиделки в кафе или во дворах, организация выставок любого масштаба или ярмарок на площадях.

Названное противоречие между ампирной торжественностью ансамблей центральных площадей и скромным обаянием улицы Рубинштейна кажется нам надуманным. В застройке и планировке города отражаются замыслы и чаяния людей, их нравы, господствующая мода, состояние общества и экономики. В конце концов, даже самые, казалось бы, неприспособленные для повседневной жизни пространства вроде Дворцовой площади следует считать в первую очередь частью огромных подмостков, на которых разворачивается петербургская пьеса.

Мы хотели бы представить читателю историю Петербурга, которая была бы одновременно историей архитектуры и историей людей.

Постараемся избежать наукообразных слов и выражений, быть по возможности точными и ясными.

ПРЕДЫСТОРИЯ

История — это не вполне то, что происходило на самом деле. По большому счету, мы не можем восстановить события слишком далекого прошлого во всех подробностях. Чаще всего нам неизвестно, когда именно первые люди поселились в том или ином городе, сколько их было в точности и чем они занимались. В лучшем случае у нас о таких вещах есть приблизительное представление. Историей называют то, что мы более или менее наверняка знаем о прошлом, и то, как мы это преподносим.

Скажем, годом основания Москвы считается 1147-й, когда она была впервые упомянута в письменном тексте. Но это не означает, что раньше ее не существовало. Археологи, например, считают, что поселение на месте нынешней Москвы появилось по меньшей мере за сто лет до той даты, которую мы считаем «днем рождения» столицы.

Начало истории города — начало не его существования, а рассказа о нем. К Петербургу это относится даже в большей степени, чем, пожалуй, к любому другому современному мегаполису.

Когда Петр I только начинал его строить, он намеренно распространял идею, будто бы новая столица вырастает на пустом месте среди лесов, болот и чахлых деревень. Постепенно такое представление прочно вошло и в русскую литературу: мы традиционно отсчитываем историю Санкт-Петербурга с даты закладки будущей Петропавловской крепости на Заячьем острове 16 (27) мая 1703 года.

Откровенно говоря, здесь есть некоторая манипуляция: к тому времени устье Невы уже не один век как было довольно оживленным местом.

Часть земель, на которых стоит сегодня Петербург, еще 8,5 тысячи лет назад находилась на дне Литоринового моря. Возвышенности вокруг города — «горки» в Юкках, Кавголове, Токсове и Колтушах, Пулковские высоты — это и есть берега древнего водоема. Нагляднее всего очертания Литоринового моря можно представить

себе в Петергофе. Вода плескалась у сегодняшнего входа в Большой Петергофский дворец. Фонтанные каскады бегут по глинту — пути отступления моря к нынешнему уровню.

Ладожское озеро когда-то соединялось с Балтикой проливом ближе к тому месту, где сегодня проходит государственная граница между Россией и Финляндией. Суша постепенно поднималась, и однажды это привело к тому, что пролив оказался слишком мелким и отмер. Ладога стала замкнутым водоемом и начала переполняться водами впадающих в нее рек — Свири и Волхова. В конце концов около 4000 лет назад (примерно в ту же пору, когда на Крите строился Кносский дворец) случился прорыв. Воды озера со страшным шумом хлынули в Финский залив по руслам рек Мги и Тосны, затопив полоску суши между ними. Какие-то люди, жившие в этих краях, вероятно, наблюдали невероятное стихийное явление. Вода хлынула в море всей своей мощью и образовала таким образом долину Невы.

Со времен раннего Средневековья Нева стала традиционным путем для походов викингов на Восток. Здесь начинался знаменитый «путь из варяг в греки»: Балтийское море — Нева — Ладога — Волхов — Ловать — Шелонь — Днепр — Черное море. Воинственные предки нынешних норвежцев, датчан и шведов выменивали в Константинополе награбленную в Западной Европе добычу на шелк, пряности, благовония, дамасскую сталь.

Балтийское море заканчивается своего рода воронкой — Финским заливом. Когда с запада дул сильный ветер, вода устремлялась в его узкое горлышко и дальше в Неву. Река выходила из берегов и затапливала земли вокруг. Долгое время на месте нынешнего центра Петербурга викинги не устраивали даже постоянной якорной стоянки: заливало. Когда Пушкин неpolitкорректно написал о «приюте убогого чухонца» на «мшистых, топких берегах», он имел в виду, что редкие местные поселенцы жили рыбалкой и охотой. В случае наводнения они бросали свои домишки и релоцировались куда-нибудь на возвышенность. Деревни были разбросаны по всей дельте. Здесь жили по большей части предки нынешних финнов и славяне, которые пришли с юга.

Когда в 862 году, согласно версии летописца Нестора, ильменские славяне, кривичи и соседствующие с ними финские племена — чудь, ижора и весь — пригласили владеть ими норманнов, то старший из них, Рюрик, устроил столицу сначала в Ладоге (сегодняшняя Старая Ладога), а потом в Новгороде. Нева для обоих поселений оказалась важной транспортной связью с внешним миром. Почвы были скудными, климат — дурным для земледелия. Новгород жил торговлей, которая особенно расцвела после того, как Новгородская республика освободилась от киевского ига в XII веке. Основными предметами вывоза были воск и пушнина. Новгородская колонизация соседних племен и земель в Средние века — погоня за пушным зверем. Новгородцы облагали данью финские племена, жившие по берегам Невы, Паши, Свири, Северной Двины, отправляли добычу в ганзейские города, а оттуда получали спиртное, ткани, оружие. Этим товаром Новгород, в свою очередь, торговал с другими русскими княжествами. Роль Невы как торгового пути стала еще более значительной. Контроль над ней означал право сбора пошлин с судов. Начались войны сначала между новгородцами и шведами, а потом — между шведами и Московской Русью, присоединившей в 1478 году Новгородскую республику.

Первое известное нам нападение шведов на новгородский купеческий караван зафиксировано в 1142 году. Спустя 22 года шведский флот потерпел поражение на Ладоге от новгородского князя Святослава Ростиславича. Войны постепенно приобретали религиозный характер. Шведы обращали язычников-финнов в католичество, русские — в православие.

Событие, которое представлено в русской историографии как эпохальное — Невская битва у впадения Ижоры в Неву в 1240 году — всего лишь эпизод долгого противостояния. Ему принято приписывать исключительное значение потому, что князь Александр Ярославич, прозванный за победу в этом сражении Александром Невским, — прямой предок той ветви Рюриковичей, которые правили Россией вплоть до царя Федора Иоанновича. Согласно средневековой традиции, всех предков царя представляли как исключи-

20. Нарвские ворота. Василий Стасов, Санкт-Петербург, 1827–1834 гг.

21. Улица Риволи в Париже

6. Кирха Святого Иоанна. Гаральд Боссе, Санкт-Петербург, 1859–1860 гг.

7. Пассаж. Рудольф Желязевич, Санкт-Петербург, 1846–1848 гг.